

УДК 94(47).031"12/13"

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.67-86

**К ВОПРОСУ О ТУЛЬСКОМ БАСКАЧЕСТВЕ
НА ЗЕМЛЯХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ
ЧЕРНИГОВСКОГО КНЯЖЕСТВА XIII–XIV вв.**

А.А. Майоров

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
Орел, Российская Федерация
aamajorov@rambler.ru*

Цель исследования: выявление совокупности причин, приведших к возникновению, функционированию и исчезновению на северо-восточных территориях Черниговского княжества во второй половине XIII – первой половине XIV вв. ордынских управленческих структур, не связанных с правящей княжеской династией.

Материалы исследования: средневековые русские летописи – Лаврентьевская, Ипатьевская, Воскресенская, Никоновская, Рогожский летописец. Договорные грамоты русских князей, ярлыки ордынских ханов, результаты археологических исследований, воспоминания европейских путешественников.

Результаты и научная новизна: анализ собранного и систематизированного материала показывает, что первоначальное возникновение ордынских управленческих структур, не связанных с правящей княжеской династией («баскачество Тайдулы»), было обусловлено необходимостью сохранения управляемости землями, непосредственно прилегавшими к донскому торговому пути. Продолжение их дальнейшего функционирования в определенной степени было обусловлено организацией здесь ряда товарных ремесленных производств, необходимых для ведения коммерческой деятельности с использованием донского торгового пути. Следствием исчезновения «баскачества» стала, наряду с прочим, практически полная депопуляция региона. К падению баскачества могли привести, наряду с ордынской Великой Замятней второй половины XIV в., также воздействие косвенных последствий эпидемии чумы («Чёрной смертью») на поддерживавшиеся ранее деловые контакты и военная агрессия Великого княжества Литовского.

Ключевые слова: Золотая Орда, северо-восток Черниговщины, управление землями, баскаки, Тульское баскачество, донской торговый путь, товарное ремесленное производство, Великая замятня, эпидемия чумы

Для цитирования: Майоров А.А. К вопросу о тульском баскачестве на землях северо-восточной части Черниговского княжества XIII–XIV вв. // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 1. С. 67–86. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.67-86

**ON THE FUNCTION OF THE TULA BASQAQS
IN THE NORTHEASTERN PART OF THE CHERNIGOV PRINCIPALITY
IN THE THIRTEENTH AND FOURTEENTH CENTURIES**

A.A. Mayorov

*Orel State University named after I.S. Turgenev
Orel, Russian Federation
aamayorov@rambler.ru*

Abstract: *Research objectives:* Identification of the set of reasons that led to the emergence, function, and disappearance of the Golden Horde's administrative structures not related to the ruling princely dynasty in the northeastern territories of the Chernigov principality in the second half of the thirteenth and first half of the fourteenth century.

Research materials: Medieval Rus'ian chronicles; namely, the Laurentian, Hypathian, Resurrection, Nikonian, and Rogozhskii Chronicles. Contractual charters of Rus'ian princes, yarliqs of the Golden Horde khans, the results of archaeological research, and memoirs of European travelers.

Results and novelty of the research: An analysis of the collected and systematized materials shows that initially the Golden Horde administrative structures that were not connected with the ruling princely dynasty ("Taydula's basqaqship") arose because of the need to preserve the administration in the lands directly adjacent to the Don trade route. To a certain extent, the continuation of their further functioning was due to the local organization of a number of commodity handicraft industries which were necessary for conducting commercial activities using the Don trade route. The consequence of the disappearance of the "basqaqship" was, among other things, an almost complete depopulation of the region. Along with the Time of Troubles in the Golden Horde in the second half of the fourteenth century, the disappearance of the "basqaqship" could have been caused both by indirect consequences of the plague epidemic (Black Death), which had a negative impact on business contacts, and the military aggression of the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: Golden Horde, northeast of the Chernigov principality, administration of territories, Basqaqs, Tula Basqaqship, Don trade route, commodity craft production, Golden Horde's Time of Troubles, plague epidemic

For citation: Mayorov A.A. On the Function of the Tula Basqaqs in the Northeastern Part of the Chernigov Principality in the thirteenth and fourteenth centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 67–86. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.67-86

Вопросы организации системы управления русскими землями после монгольского завоевания достаточно давно привлекают внимание историков. Как известно, одним из направлений организации административной деятельности на завоеванных землях стало назначение специальных уполномоченных представителей, направляемых непосредственно из ордынского центра – баскаков (даруг). Подробный анализ совпадений и несовпадений различных аспектов статуса и полномочий даруг (даругачи) и баскаков на разных территориях и в разные периоды существования Монгольской империи и ее наследников содержится в работах С.А. Масловой [25, с. 23–26; 26, с. 80–109]. Следует отметить большую гибкость и вариативность организации их деятельности в разных ситуациях в зависимости от поставленных задач. Черни-

говское княжество, бывшее одним из самых крупных и населенных на территории Руси, своей историей даёт материал, необходимый для разностороннего рассмотрения данной проблематики.

Специфику организации территориального управления на постчерниговских территориях XIII в. характеризует весьма известный и крайне интересный феномен, известный как Ахматовы слободы. Сам рассказ о них, базирующийся на ряде летописных сообщений, весьма популярен в исследованиях российских историков. Его изложение и анализ, с разными выводами и датировками, можно наблюдать в десятках работ, начиная с В.Н. Татищева, продолжая произведениями Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, М.С. Грушевского и многих других [43, с. 62–68; 12, с. 135–138; 41, стб. 899–902; 9, с. 183–185]. Тема эта в более позднее время была очень подробно проработана А.Н. Насоновым, В.В. Каргаловым, рядом других исследователей [28, с. 17–21, 70–71; 8; 13, с. 154–161]. Рассмотрению обстоятельств их возникновения, функционирования и исчезновения посвящено несколько серьезных современных исследований, дающих качественный историографический обзор, а также тщательный анализ событийного ряда в совокупности с общеполитической обстановкой того периода. Одной из наиболее полных стала работа В.А. Кучкина, где был дан подробный анализ имеющихся летописных сообщений, уточнена датировка событий и их географическая локализация, проведён анализ и «ранжировка» сохранившихся письменных сообщений по полноте и достоверности [16]. Не была обойдена эта тема и в исследованиях, посвященных изучению взаимоотношений русских и ордынских властей [24].

Стоит отметить, что с начала процесса покорения русских княжеств монгольские завоеватели отнюдь не демонстрировали неодолимое желание кардинально менять сложившуюся на Руси административную традицию и, по всей видимости, планировали привлечь к локальному управлению местные управленческие ресурсы путем использования представителей существовавших княжеских родов. Судя по всему, главным требованием, предъявляемым завоевателями потенциальному управленцу высокого ранга было признание верховной власти Чингизидов и принятие на себя ряда достаточно чётко очерченных финансовых и материальных обязательств. Символом наделения полномочиями было вручение конкретному русскому князю именного ханского ярлыка на управление землями, традиционно принадлежавшими присгнувшему княжескому роду [34, с. 176–180].

В пользу данной гипотезы свидетельствуют сообщения русских летописей о начале Кипчакского похода: «...приидоша отъ восточныя страны на Рязаньскую землю... безбожнии Татарове со царемъ Батыемъ... и оттоле послаша послы своя... ко княземъ Рязанскимъ, прося у нихъ десятины во всемъ...» [36, с. 221]. Другое сообщение: «...Меньгоуканови же. пришедшоу сглядать град Кыева... присла послы свои к Михайлоу и ко гражданомъ. Хотя е прельстити...» [37, стб. 782]. Заметно, что первым шагом при встрече с новым противником со стороны монголов, если на них не нападали, была обычная посылка послов и переговорщиков. Из текста не всегда понятно, по какой причине русские князья, в большинстве своём, сразу же отвергали предложения или даже нападали на послов (что являлось грубейшим нарушением принятых этических норм и подлежало обязательному наказанию). Возможно, свою роль играла недооценка противостоящего противника в силу

давнего навыка успешной борьбы с набегами степняков, может быть, имелась определенная переоценка собственных сил, ожидание вероломства от захватчиков, либо присутствовали какие-то иные причины. Факт остаётся фактом: князья русские и горожане не верили послам и вступали в славный, но безуспешный бой. В других частях Евразии, также подвергшихся завоеванию, ситуация в ряде случаев развивалась несколько менее кроваво.

В частности, на государство сельджуков монголы напали и нанесли несколько серьёзных военных поражений в 1242 г. Следующий 1243 г. для тюрок также не стал более успешным. В сложившейся обстановке «Везир и кадий Амасьи... самостоятельно решили отправиться в ставку к монгольскому нойону Байджу и попросить его заключить мир с сельджуками... Байджу благосклонно отнесся к визиту везира и кадия, заверивших его, что сельджукский султан признает власть монгольского хана и будет регулярно платить дань» [11, с. 256–257]. Была оговорена величина дани. По сообщениям хронистов, султан был чрезвычайно доволен договорённостью. Батый повелел султану управлять государством сельджуков [11, с. 256–257].

Таким образом, целью монголов-завоевателей выступало отнюдь не одноразовое ограбление захваченных территорий, а, скорее, установление планомерного и упорядоченного поступления даней и сборов из стран, приведённых (военным или невоенным образом) к покорности. Как только обнаруживался уполномоченный правитель, готовый подчиниться завоевателям, практически сразу начиналось выстраивание местной управленческой вертикали как части единой имперской системы руководства и управления. Русь не являлась исключением: после военной победы основной формой организации управленческих структур на территории русских княжеств стало включение местной княжеской элиты в состав управленческого аппарата монгольской империи на правах высших служащих.

Несмотря на относительно «конструктивный» подход со стороны новых правителей, первоначальный вариант одноканальной системы управления русскими княжествами (посредством «принятия на службу» князя в качестве вассала-наместника и местного налогового агента), вероятно, оказался не вполне удачным для целей налогообложения. На это указывает то обстоятельство, что после информации о проведении переписей населения завоеванных княжеств сразу же следуют сообщения о назначении специальных чиновников от центральной власти для контроля за сбором платежей на местах. Первые сообщения об учёте количества жителей Черниговского княжества относятся к середине 40-х гг. XIII в.: «...инеи крыяхуся в пещерах и в лесех... тех же не по колецех временех осадиша в градах, и сочтоша я в число, и начаша на них дань имати» [31, с. 298]. Подтверждение и конкретизация летописной информации имеется уже в сообщении Плано Карпини: «... В бытность нашу в Руссии, был прислан туда один Сарацин, как говорили, из партии Куйюк-кана и Батыя. И этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного... Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый... платил... дань...» [33, с. 33]. В любом случае статистические обследования были на захваченных территориях произведены.

По всей видимости, результаты переписей податного населения, проведенных имперской администрацией, и результаты сбора обязательных плате-

жей в значительной степени не коррелировали между собой, что породило в имперской администрации предположения о неэффективности фискальной деятельности князей: «баскаки появились тогда, когда с этой обязанностью русские князья перестали справляться, и исчезли, когда князья смогли вновь контролировать выплату дани» [24, с. 39]. Вопросы тесной взаимосвязи деятельности баскаков с наведением порядка в сфере уплаты обязательных платежей, которые русскими летописями зачастую трактуются как вооружённые вторжения татар, слишком объёмны для настоящей работы. В то же время аспект их деятельности, связанный с прямым участием в управлении рядом территорий, подлежит дальнейшему рассмотрению.

Баскаки впервые отмечены русскими летописями под 1255 г.: «...избехавше яша. Милея баскака. и приведе Левъ» [37, стб. 829]. Никаких дополнительных пояснений о роли баскака летопись не содержит, а потому можно предполагать, что наличие баскака было делом привычным, а их функции в детализации не нуждались. Текст сделанного с ярлыка Менгу-Тимура от 1267 г. списка, датированного последней четвертью XIV в., упоминает баскаков примерно на уровне чуть выше княжеского: «...Менгугемерьво слово людьским баскаком и князем и польчным князем...» [32, с. 467]. Подобное положение весьма интересно, поскольку следующее упоминание баскаков в этом же ярлыке не сопровождается ссылкой на князей, но определяет баскаков как высшую категорию лиц, которые уполномочены собирать дань и оперировать финансами: «...от попов и от чернцов ни дани ни иного чего ни хотяь ни възмутъ баскаци, княжи писцы, поплужники, таможници» [32, с. 468].

Плано Карпини также упоминает баскаков: «Башафов (Baschathos), или наместников своих, они ставят в земле тех, кому позволяют вернуться; как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то эти башафы возражают им, что они неверны Татарам...» [33, с. 34]. В приведённом отрывке баскаки представлены в качестве чиновников, надзирающих за соблюдением порядков, норм и правил, установленных завоевателями, уполномоченных вызывать вооружённые отряды, карающие за непослушание.

Роль баскаков (другой вариант термина – даруг, от монгольского «представитель хана, наместник») в качестве организаторов и контролёров сбора дани была многократно рассмотрена. Иная сторона их деятельности – территориальное администрирование – также привлекала внимание исследователей, но изучена в несколько меньшей степени. Данное обстоятельство связано с малым объёмом дошедшего до наших дней письменного материала. Некоторые важные детали, характеризующие это направление административной активности, содержатся в упомянутом выше летописном рассказе об Ахматовых слободах.

Изложение краткой, но весьма драматичной канвы событий не занимает много места в описании 1283–1284 гг. Баскак Ахмат, откупив (по видимому, у администрации Ногая) право сбора дани в Курском княжении, поставил две слободы, где довольно быстро «...умножишася люди въ свободахъ техъ, съ всехъ сторонъ сшедшеся...» [41, с.79]. Причем, судя по всему, для возвращения этих людей на прежнее место их нахождения местным князьям Олегу и Святославу потребовалось, в отсутствии самого Ахмата, получив предварительное разрешение у хана Телебуги, «...пограбити обе те свободы, а иныхъ

поимати, а иных поковати повеле, а свои люди выведе въ свою отчину» [41, с.79]. Последовавший затем ряд вооруженных столкновений стал показателем наличия серьезных внутриордынских противоречий между Ногаем и сарайским ханом, которыми пытались воспользоваться (большой частью неудачно) местные правители [41, с. 92–93].

Следует указать, что реальная датировка описанных событий, в соответствии с современными взглядами, отличается от приведённой в летописях. В частности, признанным считается их отнесение к несколько более позднему периоду, так как упомянутый в изложении событий хан Телебуга правил с 1287 г. по 1291 г. [8, с. 83–87]. Кучкин полагает, что «...наиболее реальная дата происшедших в Рьльско-Воргольском, Липовичском и курском княжениях событий – весна 1289 – осень 1290» [16, с. 38].

Политические и военные результаты происшедшего достаточно подробно рассмотрены в уже упомянутых ранее работах. Для настоящей статьи важным является указание на то, что «...Ахмать, держаше баскачество Курьскаго княжения, откупаша у Татаръ дани всякия... Еще къ тому наряди две свободе въ отчине Олга» [41, с. 79]. Из логики повествования вытекает, что «держание баскачества» и «постановка слобод» представляли собой действия, не связанные между собой напрямую, но допустимые для баскака, работающего с местным княжением. Рутинность упоминания подразумевает, что подобного рода экономическая активность высокопоставленных имперских чиновников, которыми в описанной ситуации представляются баскаки (даруги), по всей видимости, никак дополнительно не ограничивалась.

Сюжет со слободами важен, в контексте рассмотрения различных аспектов развития северочерниговских земель в ордынский период, по двум основным причинам. Первая, самая явная, заключается в наглядности имевших место событий в качестве иллюстрации протекавших здесь процессов: особенностей организации территориального управления на подконтрольных Орде землях, специфики отношения рядовых людей к новой не княжеской власти, последствий внутреннего соперничества в верхах ордынской администрации для более низких социальных слоёв. Вторая – возможность отследить предполагаемые последствия реализации нестандартных форм территориального управления.

Данные упомянутых выше исследований позволяют сделать вывод о наличии признаков ощутимого ограничения рамками имперских норм и порядков ранее неограниченных властных полномочий и административных возможностей русских князей, уже вошедших в структуру ордынской правящей вертикали. В частности, весьма скоро «в Курске уже не было князя, там обосновался баскак, прерогативы которого распространялись и на Рьльское княжество» [16, с. 49]. Курский археолог профессор В.В. Енуков ещё в начале 90-х гг. прошлого века выявил явную связь весьма основательно исследованного Ратского (Бесединского) археологического комплекса (города Ратун/Ратно) с Ахматовыми слободами [2, с. 72, 91–95]. Ведущиеся в настоящее время раскопки, судя по сообщениям местной прессы, демонстрируют впечатляющую масштабность поселения. Помимо того, был «...выявлен факт проживания смешанного населения в XIV в., что противоречит версии о его угасании после набега соседних русских князей на слободы, состоявшегося в

1290 г.» [22, с. 81]. Таким образом, в настоящее время имеются материальные подтверждения долговременного существования на землях Черниговского княжества крупных поселений городского типа, датируемых ордынским периодом, чьё население состояло из носителей различных этнических, религиозных и культурных традиций и явно находилось под управлением администрации, не имевшей прямого отношения к русским княжеским династиям.

Следует указать, что Плано Карпини также упоминал о существовании целых зон, находившихся под управлением монголов, но населённых не ими (монголами), а их подданными, причём общая площадь территорий могла насчитывать несколько сот квадратных километров [33, с. 45; 10, с. 37–38]. Более того, на этих землях вполне могли размещаться целые «...города. сидящая. за Татары...» [37, стб. 838]. Таким образом, создание территорий, находившихся в полном административном ведении ордынской (в данном случае баскаческой) администрации, выглядит нормальной деловой практикой второй половины XIII в.: «Компетенция баскаков распространялись на целые области, такие как Курское княжество и Червлёный Яр» [24, с. 39]. Весьма характерным, в этой связи, выглядит замечание летописца о фактически добровольном уходе людей из-под власти этнически близких им русских князей под руку баскака Ахмата («съ всехъ сторонъ сшедшеся») и их нежелании возвращаться, что вызывало недовольство местных правителей («иныхъ поимати, а иных поковати повеле») Баскаческое управление территорией сделало фактически избыточным функционирование местной княжеской администрации в Курске и Рыльске: все финансовые обязательства исполнялись, а местное население шло в слободы, по всей видимости, вполне охотно. Судя по всему, опыт построения новой управленческой структуры «с нуля» оказался вполне успешным.

Представляется, что экстраполяция выявленных специфических черт описанной ситуации на другие постчерниговские пространства и институты может быть весьма плодотворной ввиду того, что на северо-восточном их крае, в районе, прилегающем к современной Туле, традиционно прослеживаются земли, которыми «...баскаци ведали» [15, с. 344]. Следует помнить, что существуют различные трактовки термина «ведали», которые определяют его значение по-разному: «управляли», «судили», «осуществляли фискальные функции» [17, с. 31–32]. Не вдаваясь в детали данного спора, можно, тем не менее, указать, что каждый из перечисленных вариантов трактовки термина «ведать» входит в качестве обязательной составной части в средневековое понимание вопросов управления и администрирования.

Согласно данным археологических исследований территорий, идущих полосой от южного берега Оки через современную Тулу, нынешнее Куликово Поле к Ельцу, здесь во второй половине XIII – первой половине XIV вв. сложилась специфическая демографическая, культурная и политическая обстановка, нетипичная для большей части соседних территорий. Упоминания о событиях, происходящих на землях, соответствующих многим современным восточным тульским районам, практически исчезают из русских летописей. Верховские и рязанские князья (обе категории – в широком смысле этого слова) практически прекращают здесь всякую самостоятельную деятельность. Лишь во второй половине XIV в. (в 1381 г.) новые лидеры северо-востока – московские князья – для вхождения на указанные территории включают отдельное упоминание о них в большое внешнеполитическое со-

глашение с Рязанью [15, с. 344]. Ранее предполагалось, что это было обусловлено полным запустением этих земель.

По всей видимости, позиции потомков черниговского и рязанского кланов Рюриковичей после ордынского завоевания здесь действительно ослабли и были недостаточны для осуществления эффективного контроля сбора и уплаты дани в пользу правителей Монгольской империи (затем – улуса Джучи), а также выполнения иных властных функций. В пользу подобной гипотезы говорят данные раскопок поселений этого периода: были разрушены и исчезли, по меньшей мере, 10 домонгольских городищ, чётко определяемых как древнерусские укрепленные поселения [3, с. 208–209, 221–222; 4, с. 21–22, 22–23, 35–36, 62, 102, 122–123, 131, 151]. Укрепленное поселение было неизменным признаком княжеской власти, а «древнерусский город ...это и административно-хозяйственный центр большой округи (волости), очаг культурного развития и идеологического господства» [14, с. 6]. Следует упомянуть, что именно здесь в несколько более ранний период располагались основные территории вятичского этнополитического объединения (по меньшей мере, до третьей четверти XII в. сохранявшего заметную степень самостоятельности и определенную степень политической субъектности), которые впоследствии стали отдаленной, преимущественно языческой, окраиной Черниговского княжества [21].

Косвенным указанием на слабость (либо исчезновение) княжеской власти и присутствие «вятичской» языческой тематики являются результаты археологических исследований захоронений, которые демонстрируют явное наличие признаков, по меньшей мере, «двоеверия» при захоронении местных жителей с XII по XIV вв.: «Форма обряда становится христианской, а многие детали соответствуют языческим представлениям. Наличие угля, обожжённых веток и соломы, зольные пятна у костяков, прокол стенок и дна могильных ям, керамический бой в их заполнении, связываемый с обычаем ритуального битья посуды во время тризны, «дары» погребённым, наличие камней на или около захоронений, нестабильное положение рук – вот неполный перечень языческих черт» [7, с. 149]. Предположение о вятичском участии в заселении территории подтверждается находками типичных вятичских украшений, датируемых и ранними, и позднейшими сроками их распространения [7, с. 189–193, 196–197]. Таким образом, «идеологическое господство» явно не было обеспечено и в предшествующий период.

Возвращаясь к теме «городов», следует отметить, что до настоящего времени археологические исследования данных территорий не выявили признаков, указывающих на существование здесь в период со второй половины XIII в. по последние десятилетия XIV в. какой-либо городской русской инфраструктуры, подтверждающей наличие княжеского контроля этих земель. На этих землях вскоре после их монгольского завоевания и разрушения прежних черниговских крепостей возникают новые поселения с крупными ремесленными мастерскими разной специализации, явно нацеленными на удовлетворение более широких потребительских потребностей, нежели у ощутило сократившегося местного сельского населения [4, с. 15–17, 87, 109–111]. Для прежнего порядка административно-территориальной организации данное обстоятельство выглядит необычным, так как сельское общество, в отличие от городского, лишь в редких случаях могло создавать излишки товарной массы, достаточные

для формирования объемного и постоянного потребительского рынка, присутствие которого представляется обязательным условием успешного и длительного функционирования означенных ремесленных мастерских.

Следует указать, что русские князья этого времени являлись составной частью высшего ордынского управленческого аппарата и, наряду с баскаками (и даругами), должны были выполнять и реализовывать все предусмотренные властные, финансовые и судебные функции. Для местных жителей тарусский, карачевский либо пронский князь (он же официальный монгольский нойон) был, по всей видимости, чужаком лишь немногим менее чуждым, чем присланный из Орды татарский (монгольский, персидский, хорезмский и т.д.) баскак. Поэтому, исходя из опыта весьма эффективного функционирования на юге прежних черниговских земель Ахматовых слобод, летописных сообщений и косвенных данных археологических исследований, существование в период со второй половины XIII в. по последние десятилетия XIV в. к северу и югу от современной Тулы особой территории, управляемой ордынскими чиновниками (баскаками), не имевшими прямого отношения к династии Рюриковичей, но выполнявшими такие же управленческие функции, как и поставленные Ордой (улусом Джучи) русский князья, следует признать вероятным и подтверждаемым.

Беглое рассмотрение археологической ситуации на территории, протянувшейся от северных окрестностей современной Тулы до современного же Ельца, позволяет выявить ряд аргументов в пользу гипотезы о возможности функционирования здесь полноценной самостоятельной (вероятно, баскаческой) административной структуры. Более того, даже современная Тула, по всей видимости, имела непосредственного предшественника в виде поселения этого периода, находившегося в нескольких километрах от города и в настоящее время известного в качестве комплекса поселений (селищ и городищ) Торхово на р. Синетулица, относительно благополучно и непрерывно просуществовавшего в течение XII–XIV вв. [4, с. 160–164] В пользу данного предположения имеется достаточно большое количество подтверждений [17, с. 209–212].

Как указывалось выше, полоса территорий, находившихся под контролем гипотетического Тульского баскачества, по всей видимости, проходила от Оки через окрестности современной Тулы к югу – в междуречье р. Дона и р. Красивая Меча. Именно здесь находится знаменитое Куликово поле, ставшее местом одного из самых известных русских сражений XIV в. – Куликовской битвы. Большинство дошедших источников указывает на отчётливо «татарскую» принадлежность этих земель даже по состоянию на 1380 г., что является весомым, хотя и косвенным аргументом в пользу озвученного выше предположения [1, с. 213–216].

Результаты археологических исследований окрестных территорий подтверждают первоначальное сокращение численности населения и числа населенных пунктов сразу после ордынского завоевания в середине XIII в.: «События ...связанные с Батыевым нашествием, резко изменяют ситуацию в Верхнедонском регионе... Происходит значительный отток русского земледельческого населения в более безопасные, видимо, северные регионы. Прекращают свое существование поселения южной, остепненной части Поля, а также гнезда памятников, расположенных на водораздельных территориях поблизости от древних сухопутных дорог. Наиболее сильное запустение тер-

ритории приходится на середину – 3-ю четверть XIII в.» [7, с. 85–86]. В то же время, на следующем этапе, вскоре после первого бегства местного населения, здесь «...происходит вторичное заселение Поля русскими земледельцами» [7, с. 209]. В.Л. Егоров связывал эти процессы с установлением контроля за рассматриваемой территорией со стороны Тульского баскачества и, как минимум, определенной стабилизацией социально-политической ситуации [10, с. 41–45, 53].

В этой связи показательной представляется информация о том, что в южной части рассматриваемых земель, на Куликовом поле «...в конце XII – первой половине XIII вв. складывается инфраструктура мастерских по производству и переработке железа, где на 573 крестьянских двора существовало 15–17 производственных комплексов. После татаро-монгольского нашествия численность населения сокращается до 210 крестьянских хозяйств, но число ремесленных комплексов по производству и переработке железа возрастает в 1,5 раза (25–27 мастерских). Более 50% всего ремесленного производства сосредотачивается в двух районах – в среднем течении р. Вединец и нижнем течении р. Мокрая Табола...» [29, с. 9]. Как отмечалось ранее, подобное количество выглядит избыточным для удовлетворения местных нужд и явно представляет собой результат организации товарного производства для поставок на сторону.

Результаты исследований показывают, что «...в домонгольское время железоделательным ремеслом занималось около 3% населения, в золотоордынское – уже 12%..., что свидетельствует о количественном скачке в данном производстве» [30, с. 102]. А вот активизация торговли с восточными соседями прослеживается неизменно, поскольку «...к концу XIII – началу XIV вв. происходит налаживание экономических связей Верхнедонского населения с Волго-Камским регионом» [7, с. 204]. Помимо собственно железоплавильного производства, местное население, по всей видимости, было занято обязательными сопутствующими промыслами – заготовкой древесины, изготовлением древесного угля, добычей и подготовкой местной руды [30, с. 102–103].

Судя по всему, значение донского торгового пути было весьма высоко и для соседней Рязанской земли, по крайней мере, в сохранившихся после завоевания Переяславле Рязанском, Ростиславле и Пронске «в целом в золотоордынский период отмечается увеличение предметов импорта... по сравнению с предшествующим временем. ...Среди импортных предметов этого времени подавляющее большинство составляют изделия, связанные своим происхождением с территорией Золотой Орды или поступившие через нее... Большое значение для развития торговых отношений в этот период имел Черноморско-Донской путь, связывавший Рязанскую землю с Причерноморьем и Византией» [27, с. 29–30].

Достоинно упоминания, что помимо локальной активизации ремесленной активности, исследователи отмечают новые для этой местности «...Болгарские и Северо-Донецкие традиции в формах и орнаментации керамической продукции. ...Появляются новые типы стрел, ...детали конской упряжи, ...ременная гарнитура, ...некоторые типы украшений. ...В XIV в. влияние кочевого мира ещё ярче проявляется в материальной культуре древнерусских памятников региона» [6, с. 206–207]. Указанные тенденции подтверждают предположение о наличии не только «восточных» заказчиков, но также пря-

мых связей и тесного взаимодействия носителей различных производственных школ и традиций, поскольку только в такой ситуации возможна отмеченная широкая модификация широкого ассортимента производимых изделий – гончарной и шорной продукции, ювелирных украшений, производства оружия. В условиях свойственной средневековой высокой традиционности ремесленного обучения столь примечательная гибкость может быть объяснена, в первую очередь, прямыми и целенаправленными наставническими контактами, а также явно конкретизированными заказами.

Более того, археологические данные отмечают наличие признаков, указывающих на присутствие среди местного населения различных пришлых антропологических компонентов – черниговских, полоцких, смоленских, степных (в том числе ордынских), владими́ро-суздальских и т.п. – что наводит на предположение о целенаправленном «комплектовании» местного рабочего персонала [7, с. 148–149].

Продуктивной для анализа является оценка степени товарности производства путём сопоставления местных потребностей и объёмов выпуска продукции с необходимым количеством поставляемого сырья разных видов: «в золотоордынское время каждая сыродутная печь лишь 20–25% своей загрузки использовала для удовлетворения в железе внутренних потребностей сельского населения Куликова поля, в остальное время металл производился на внешний рынок» [30, с. 110]. Столь высокая производственная активность продолжалась без малого столетие и окончательно прекратилась только к 70-м гг. XIV столетия [7, с. 209]. Примерно этим же рубежом датируется окончательный уход местного населения с обжитых мест и явная их последующая депопуляция.

На территории, ставшей впоследствии землями Елецкого княжества, отмечаются те же тенденции: «...монголо-татарское нашествие серьезно не нарушило естественный ход развития древнерусских поселений на южных территориях Чернигово-Рязанского пограничья в середине – второй половине XIII вв. Более того, мы наблюдаем рост числа памятников почти в два раза» [44, с. 21]. Кроме того, «...активизируется участие жителей в донской торговле с Крымом, Северным Кавказом, территориями византийского круга» [44, с. 31]. Археологами установлено, что «...На южных территориях Чернигово-Рязанского порубежья во второй половине XIII – первой половине XIV вв. численность памятников возрастает и составляет 239 селищ, 8 монетных кладов и отдельные находки, 4 могильника. В два раза их численность возрастает по р. Дон в районе гг. Данкова, Лебедяни, Задонска, а также по р. Красивая Меча и почти в пять раз – в нижнем течении Быстрой Сосны. Это время активных торговых связей с Ордой и Востоком» [44, с. 35].

Представляется, что в качестве аналога описанных поселений можно рассматривать болгарское селище Чакма п. Лаишево, часто трактуемое как ремесленная слобода [5, с. 64]. Такого рода поселения, в том числе и работавшие в качестве поставщиков экспортной готовой продукции и полуфабрикатов, были распространены, в частности, на территории Волжской Булгарии как в домонгольское, так и в ордынское время [6, с. 232]. Продукция размещавшихся там производств была весьма востребована торговцами, многочисленными городскими и сельскими кузнями, а также ремесленными мастерскими.

Хронологическая близость приводит к тому, что многие исследователи часто справедливо связывают окончательный отток местного населения с

событиями и последствиями Великой жамятны конца XIV в. [7, с. 209]. В то же время, остаётся не до конца оценённым вклад в запустение территорий печальных результатов знаменитых эпидемий чумы середины XIV в. Летописи чётко определяют её первое появление 1346 годом. «Въ лето 6854 ...казнь бысть отъ Бога на люди подь восточную страну на городъ Орначь, и на Хазторокань, и на Сарай, и на Бездежь, и на прочие грады во странах ихъ; бысть морь силенъ на Бесермены, и на Татары, и на Ормены, и на Обезы, и на Жиды, и на Фрязы, и на Черкасы, и на всехъ тамо живущихъ, яко не бе кому ихъ погребати...» [38, с. 210]. Довольно скоро заболевание перекинулось на юг средиземноморской Европы.

Обстоятельства распространения чумы в европейских странах и печальные последствия эпидемии для развития европейских государств и культуры достаточно хорошо исследованы [20, с. 15, 107–109; 23; 47; 46, с. 11–12]. Представляется логичным, что именно этой эпидемией мог быть косвенно обусловлен начальный этап запустения рассматриваемых земель, поскольку именно донской торговый путь связывал земли Верхнего Дона с Северным Причерноморьем и Крымом [45; 48]. Признаков распространения эпидемии на рассматриваемой территории не обнаружено. В то же время, вспышки заболевания неизбежно вели к резкому сокращению числа торговых партнёров, располагавшихся в отмеченных регионах Причерноморья, «...баше бо пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ничтоже: ни града, ни села; аще бо и быша древле грады красны и нарочиты зело видениемъ места, точью пусто же все и не населено» [39, с. 96]. Банальная смерть нескольких важных заинтересованных лиц либо потеря налаженных каналов сбыта массовой продукции через коммерческие структуры Причерноморья создавали ситуацию разрыва существовавшей торгово-производственной цепочки. Вряд ли прибыль от её функционирования была чрезмерно высока (массовая продукция была отнюдь не уникальна) для того, чтобы её выгодоприобретатели начали предпринимать чрезмерные усилия по восстановлению деловых связей в условиях сложившейся чрезвычайной ситуации. Подобное положение в сочетании с последовавшей «Жамятней», по всей видимости, являются наиболее вероятными претендентами на их принятие в качестве хронологически первых причин разрыва налаженных коммерческо-производственных связей «Тульского баскачества» по донскому торговому пути.

По всей видимости, окончательную черту под существованием предполагаемых местных производственных комплексов и Тульского баскачества в целом подвёл новый «двойной удар» первой половины 60-х годов XIV в. Первой фазой этих событий стал очередной мор: «Того же лета бысть мор на люди в Орде, так по ряду и пошел и по русским городам в Новосиле и в Коршеве» [40, стб. 73]. Стоявший на притоке Дона, р. Сосна, летописный г. Коршев (Карасу), располагался, скорее всего, на месте современного поселка Чернава и непосредственно примыкал к землям баскачества [18].

Финальным и «добивающим» ударом для местных управленческих структур стал, по всей видимости, победоносный поход литовского князя Ольгерда против татар в 1362 г. (возможно 1363), сопровождавшийся взятием всё того же Коршева [40, стб. 75]. Вероятно, именно тогда местные ордынские управленческие структуры были окончательно сокрушены, поскольку боевые дейст-

вия явно не ограничивались городами и шли на территории более широкой. Впрочем, гипотетически можно предположить чуть более длительное их функционирование. Последовавшие битва на Синих Водах логически продолжила и увенчала тенденцию литовской войны против ордынских структур: «тоже же осени Олгердь Синю воду и Белобережье повоевалъ» [40, стб. 75].

Косвенные аргументы в пользу предлагаемой датировки дают данные археологических раскопок другой части черниговских земель: датировка начала обращения и времени чеканки ордынских монет, обнаруженных на Ратском городище и в его окрестностях (территория предполагаемого Курского баскачества), относится к первым десятилетиям XIV в. Затем, после некоторого периода стабильного роста, число свежечеканенных монет резко сокращается в середине его 60-х гг., и они весьма слабо отмечаются до начала XV в.: «...обращение ордынских монет уже через 2 десятилетия в 1350 гг достигло своего максимума, а в сер. 1360 гг резко снизилось. Слабое обращение дангов продолжилось до кон. XIV в. и полностью прекратилось в первом десятилетии XV века. ...обращение пулов едва прослеживается в посл. трети XIV в. и полностью прекратилось к его концу» [19, с. 498]. Хронологически синхронны этим данным результаты анализа состава выявленных в данной местности денежных кладов, которые, в массе, датируются периодом до 60-х гг. XIV в. Это, в свою очередь, указывает на то, что «...резкое снижение интенсивности обращения... джучидских монет могло быть вызвано таким же резким снижением объема поступаемых монет из Орды» [19, с. 498].

С точки зрения сохранения экономической эффективности действовавших торговых путей, будущего у верхнедонских производств уже не было: расположенные в географической близости рязанские земли ещё могли перенести нагрузку на волго-окский торговый маршрут, что было невозможно для территорий «баскачества», которая была жёстко привязана к р. Дон и полностью зависима от имевшихся торговых контрагентов, вряд ли многочисленных. Их вероятная потеря в результате эпидемий и иных указанных негативных событий, по-видимому, и привела к тому, что к предпоследнему десятилетию XIV в., к моменту собственно Куликовской битвы, «территория становится незаселенной, что согласуется со сведениями текста “Хождение митрополита Пимена в Царьград”» [7, с. 209].

Следует отметить, что приведённые доводы в пользу существования на востоке бассейна Верхней Оки особой зоны баскаческого управления выглядят вполне убедительно. Они выступают в качестве новых дополнительных аргументов в пользу предположения А.Н. Насонова о том, что Тула и окружающие её места «...были на особом положении, находясь в непосредственной зависимости от татар» [28, с. 78, сноска 1]. Последовательность исторических событий после ордынского завоевания может быть представлена в виде обоснованной цепочки подтверждённых событий.

После завершения основных процессов завоевания и покорения рассматриваемых территорий, в конце XIII – начале XIV вв., судя по результатам исследования археологов, произошло вторичное славянское расселение на рассматриваемых землях и были сформированы производственные комплексы, занимавшиеся выпуском товаров, вывозившихся за пределы территории, в том числе по восстановленному Донскому торговому пути. Расселение происходило, по всей видимости, с ведома местной администрации, организованной новыми

управленческими структурами и не относящейся к сфере ведения традиционных русских княжеств. В рамках существования единого ордынского налогового и административного пространства, возникновение и существование такого рода зон не являлось антагонистическим по отношению к соседствующим русским княжествам, также являвшихся органичной частью этого пространства.

Отмеченные производственные комплексы, привязанные к активно функционировавшему донскому торговому пути, действовали на протяжении, по меньшей мере, нескольких десятилетий – с конца XIII в. до 60-х гг. XIV в. Относительно одной из важных составных частей рассматриваемой территории – Куликова поля – современные исследования показывают, что значительная (75–80%) доля продукции металлургических комплексов вывозилась за пределы региона и целенаправленно изготавливалась в качестве товара для продажи. Лишь после череды серьёзных бедствий разного рода, имевших место в середине XIV в., административный контроль со стороны «баскачества» перестал осуществляться. Важным фактором депопуляции рассматриваемых территорий могло быть прекращение функционирования местной управленческой структуры вследствие упомянутых успешных походов сюда войск Великого княжества Литовского. По всей видимости, отмеченные военные действия не являлись прямой причиной смерти либо изгнания местного населения, но распад местных управленческих структур вёл к полной потере местного оборонного потенциала, что и вызвало зафиксированный летописями и археологами уход местных жителей в поисках защиты. После Куликовского сражения 1380 г. эти земли вновь вошли в сферу административного контроля русских княжеств.

Важным представляется то обстоятельство, что отмеченное административное освоение и управленческое ассимилирование данных территорий ближними русскими княжествами были осуществлены, по всей видимости, не сразу, а лишь через несколько лет после их повторного запустения, прямо или косвенно связанного с последствиями эпидемии чумы 40–50 гг. XIV в., последовавшей управленческой деградацией, результатами начавшейся в улусе Джучи «Великой зяматни», повторными эпидемиями 60-х гг. и литовской военной экспансией. Ссылка на «ведение» данных территорий баскаками в смысле «сбора информации о величине установленной дани», как отмечалось выше, также не является непреодолимой [17, с. 31–33].

Управленческая практика не допускает длительного бесконтрольного существования крупных территориальных зон в непосредственной близости от значимых и важных торговых путей, а потому осуществление управленческих и административных функций требовалось возложить на близкорасположенные функционирующие легитимные административные структуры вне зависимости от их этнической либо конфессиональной принадлежности. Сама суть княжеской службы в качестве аналога чиновничей ордынской позволяла безболезненно совершать такого рода переподчинение ранее освоенных, но ныне бесхозных территорий. Распределение запустевших мест могло и должно было осуществиться не позднее 1369 г., когда «...седе на царстве царь Навроусь и къ нему приидоша вси князи Роуьськыи и бысть имь въ орде роздель княжением[ъ] ихъ...» [40, стб. 68].

Данные археологических исследований территории так называемого «Тульского баскачества» косвенно подтверждают возможность его существо-

вания в качестве особой экономической зоны, в течение нескольких десятилетий не контролируемой русскими князьями, что привело к организации и сохранению не княжеской (баскаческой) ордынской администрации по образцу земель, описанных в Плано Карпини в XIII в. По всей видимости, специфика их расположения в непосредственной близости от важных торговых путей и вероятная организация здесь коммерчески успешных товарных ремесленных производств привели к консервации особого режима управления вплоть до 70-х гг. XIV в. Среди возможных причин исчезновения Тульского баскачества – хозяйственно-экономические последствия эпидемий середины XIV столетия, «Великая зямтяня», а также негативные результаты разрушения ранее возникшей территориальной административно-управленческой структуры, приведшие к последующей депопуляции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Куликовская битва в свидетельствах современников и потомков. М.: Квадрига, 2011. 384 с.
2. Археологическая карта России. Курская область. Часть 1/ Автор-сост. А.В.Кашкин. М.: Институт археологии Российской академии наук, 1998. 304 с.
3. Археологическая карта России. Под ред. Ю.А.Краснова. Тульская область. Часть 1. М.: Институт археологии РАН, 1999. 304 с.
4. Археологическая карта России. Под ред. А.В. Кашкина. Тульская область. Часть 2. М.: Институт археологии РАН, 2002. 272 с.
5. Бургачев А.И., Руденко К.А. Нумизматические находки с селища Чакма (р.п.Лаишево, Республика Татарстан) // Поволжская археология № 4(6). 2013. С. 64–78.
6. Валеев Р.М. Предметы внутренней торговли Волжской Булгарии в X–XIV веках (по археологическим данным) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 5: Археология и этнография. С. 225–234.
7. Гоняный М.И. Древнерусские археологические памятники конца XII – 3-й четверти XIV вв. района Куликова поля. Дис. ... к.и.н. М., 2003. 538 с.
8. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 505 с.
9. Грушевський М.С. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. Т. 3. Киев: Наук.думка, 1993. 592 с. (на укр. яз.)
10. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII – XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.
11. Запорожец В.М. Сельджуки. М.: Воениздат, 2011. 295 с.
12. Карамзин Н.М. История государства Российского. Том IV. Изд-е 2-ое, исправленное. СПб.: Тип-я Н.Греча, 1819. 556 с.
13. Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М.: Издательство «Высшая школа», 1967. 264 с.
14. Куза А.В. Города в социально-экономической системе Древнерусского феодального государства X–XIII вв.// Краткие сообщения института археологии. 179. Славянская археология. М.: Издательство «Наука», 1984. С. 3–11.
15. Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М.: «Древлехранилище», 2003. 368 с.
16. Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. М.: Российское университетское издательство, 1996. С. 5–57.
17. Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы: Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. М.: Квадрига, 2011. 256 с.

18. *Липтенков В.В.* Золотоордынская область Карасу и образование Елечского княжества. // Вехи минувшего: Ученые записки исторического факультета. Вып. 2. Липецк: ЛПГУ, 2000. С. 121–128.

19. *Лебедев В.П., Зорин А.А.* Денежное обращение Курской земли в золотоордынское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6. Золотоордынское время. Сб. науч. работ / Гл.ред. А.В.Евглевский; Ин-т археологии НАН Украины; Донецкий нац. ун-т. Т. 6. Донецк: ДонНУ, 2008. С. 487–506.

20. *Ливи Баччи, Массимо.* Демографическая история Европы / Серия «Становление Европы» / Пер. с итал. А.Миролюбовой. СПб.: «Александрия», 2010. 304 с.

21. *Майоров А.А.* Территориальные группировки вятичей VIII–XII вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 3. Июль-Сентябрь С. 18–21.

22. *Макаров Д.В.* Тьмы и «татарские места» Центральной России // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 2. Казань: Изд-во «Ихлас», 2010. С. 81–83.

23. *Макэведи Колин.* Бубонная чума // В мире науки. 1988 №4. С. 68–74.

24. *Маслова С.А.* Баскаческая организация на Руси: Время существования и функции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 1. С. 27–39.

25. *Маслова С.А.* Даруги и баскаки: соотношение должностей. Древняя Русь // Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 23–36.

26. *Маслова С.А.* Монгольская администрация на завоеванных землях: даруги и баскаки // Исторический вестник. Т. 10 (157). С. 80–109.

27. *Милованов С.И.* Торговля Рязанской земли в XI – 2-й половине XV вв. (по археологическим и нумизматическим данным). Автореф. ... к.и.н. М, 2010. 32 с.

28. *Насонов А.Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. 178 с.

29. *Наумов А.Н.* Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII – середине XV вв. Автореф. дис. к.и.н. М.: 2004. 16 с.

30. *Наумов А.Н.* Черная металлургия на древнерусских сельских поселениях Куликова поля. Краткие сообщения Института археологии/ Ин-т археологии РАН. Вып.220/ гл. ред. Н.А.Макаров. М.: Наука, 2006. С. 101–111.

31. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 642 с.

32. Памятники русского права. Выпуск третий. Под ред. проф. Л.В.Черепнина. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1955. 527 с.

33. *Плано Карпини, Иоанн де.* История Монгалов. Рубрук, Вильгельм де. Путешествие в восточные страны. Введение, перевод и примечания А.И.Малеина. СПб.: Издание А.С.Суворина, 1911. 232 с.

34. *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. Ред. И.М.Мергалева. Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2009. 260 с.

35. *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. Изд.2-е, испр. и доп. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. 464 с.

36. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентиевская и Троицкая летописи. СПб.: Тип-я Э.Праца, 1846. 286 с.

37. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. Изд-е 2-е. СПб.: Тип-я М.А.Александрова, 1908. 574 с.

38. Полное собрание русских летописей. Т. 7. Воскресенская летопись. СПб.: тип-я Э.Праца, 1856. 356 с.

39. Полное собрание русских летописей. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб.: Тип-я И.Н.Скорородова, 1897. 258 с.

40. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Изд. 2-е. Вып. первый. Рогожский летописец. Петроград. 1922. 132 с.

41. Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб.: Тип-я М.А.Александрова, 1913. 320 с.
42. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга первая. Том I–V. 2-ое издание. СПб.: Товарищество «Общественная Польза», 1851. 1726 стб.
43. Татищев В.Н. История российская с древнейших времен. Книга четвертая. СПб.: Тип-я Вейтбрехта, 1784. 560 с.
44. Тропин Н.А. Южные территории чернигово-рязанского порубежья в XII–XV вв. Автореф. дисс. ... д.и.н. М., 2007. 44 с.
45. Хайдаров Т.Ф. Рубикон Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 2. С. 314–335.
46. Emmeluth Donald. Plague. Philadelphia: Chelsea house publishers. 2005. 100 p.
47. Herlihy D. The Black Death and the Transformation of the West. New York: Harward University Press, 1997. 117 p.
48. Schamiloglu U. The Impact of the Black Death on the Golden Horde: Politics, Economy, Society, Civilization // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 325–343. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.325-343

Сведения об авторе: Анатолий Александрович Майоров – кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» (302026, ул. Комсомольская, 95, Орел, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4758-7553. E-mail: aamajorov@ Rambler.ru

Поступила 09.01.2020 Принята к публикации 28.02.2020
Опубликована 29.03.2020

REFERENCES

1. Amelkin A.O., Seleznev Yu.V. *Kulikovskaya bitva v svidetelstvakh sovremennikov i potomkov* [The Kulikovo Battle in the Testimonies of Contemporaries and Descendants]. Moscow: Quadriga. 2011. 384 p. (In Russian)
2. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Kurskaya oblast. Chast' 1* [Archaeological Map of Russia. The Kursk Region. Part 1]. A.V. Kashkin (ed.). Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 1998. 304 p. (In Russian)
3. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Tul'skaya oblast'. Chast' 1* [Archaeological Map of Russia. The Tula region. Part 1]. Yu.A. Krasnov (ed.). Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 1999. 304 p. (In Russian)
4. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Tul'skaya oblast'. Chast' 2* [Archaeological Map of Russia. The Tula region. Part 2]. A.V. Kashkin (ed.). Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2002. 272 p. (In Russian)
5. Burgachev A.I., Rudenko K.A. Numizmaticheskie nahodki s selishha Chakma (r.p.Laishevo, Respublika Tatarstan) [Numismatic artifacts from the settlement of Chakma (Laishevo village, Republic of Tatarstan)]. *Povolzhskaya arkhеologiya* [Volga Region Archaeology]. 2013, no. 4(6), pp. 64–78. (In Russian)
6. Valeyev R.M. Predmety vnutrenney trgovli Volzhskoy Bulgarii v X–XIV vekakh (po arkhеologicheskim dannym) [Items of internal trade of the Volga Bulgaria of the tenth to the fourteenth centuries (according to archaeological data)]. *Vestnik Novosibirskogo gos. universiteta. Seriya: Istoriya. filologiya. Arkheologiya i etnografiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History. Philology. Archaeology and Ethnography], no. 8/5, 2009, pp. 225–234. (In Russian)

7. Gonyanyy M.I. *Drevnerusskiye arkhologicheskiye pamyatniki kontsa XII – 3-y chetverti XIV vv. rayona Kulikova polya. Dis. k.i.n* [The Old Rus' Archaeological Sites of the end of the twelfth to the third quarter of the fourteenth centuries, Located in the Vicinity of the Kulikovo Field. PhD Thesis]. Moscow, 2003. 538 p. (In Russian)

8. Grekov B.D., Yakubovskiy A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padeniye* [The Golden Horde and Its Fall]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1950. 505 p. (In Russian)

9. Grushevskiy M.S. *Istoriya Ukraini-Rusi: V 11 t., 12 kn.* [The History of Ukraine-Rus': In 11 volumes, 12 books], Vol. 3. Kyiv: 'Scientific Thought', 1993. 592 p. (In Ukrainian)

10. Egorov V.L. *Istoricheskaja geografija Zolotoj Ordy v XIII–XIV vv.* [Historical Geography of the Golden Horde during the thirteenth and fourteenth centuries]. Moscow: 'Science', 1985. 246 p. (In Russian)

11. Zaporozhets V.M. *Sel'dzhuki* [The Seljuks]. Moscow: Military publishing house, 2011. 295 p. (In Russian)

12. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Vol. IV. St. Petersburg: Printing house of N. Grech, 1819. 556 p. (In Russian)

13. Kargalov V.V. *Vneshnepoliticheskie faktory razvitiya feodal'noj Rusi* [Foreign Policy Factors of the Feudal Rus' Development]. Moscow, 1967. 264 p. (In Russian)

14. Kuza A.V. *Goroda v social'no-ekonomicheskoy sisteme Drevnerusskogo feodal'nogo gosudarstva X–XIII vv.* [Cities in the social and economic system of the Old Rus' feudal state of the tenth to the thirteenth centuries]. *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii, 179: Slavyanskaya arheologiya* [Brief Communications of the Institute of Archaeology, no. 179: Slavic Archaeology]. Moscow: 'Science', 1984, pp. 3–11. (In Russian)

15. Kuchkin V.A. *Dogovornyye gramoty moskovskikh knyazey XIV veka: Vneshnepoliticheskiye dogovory* [Contractual Charters of the fourteenth-century Muscovite Princes: Foreign Policy Agreements]. Moscow: Archive, 2003. 368 p. (In Russian)

16. Kuchkin V.A. *Letopisnyye rasskazy o slobodakh baskaka Akhmata* [Chronicle tales about basqaq Akhmat's slobodas]. *Srednevekovaya Rus* [Medieval Rus']. Moscow: Russian University Publishing House, 1996, pp. 5–57. (In Russian)

17. Lavrentyev A.V. *Posle Kulikovskoj bitvy: Ocherki istorii Oksko-Don'skogo regiona v poslednej chetverti XIV – pervoj chetverti XVI vv.* [After the Battle of Kulikovo: Essays on the History of the Oka–Don Region in the last quarter of the fourteenth to the first quarter of the sixteenth century]. Moscow: Quadriga, 2011. 256 p. (In Russian)

18. Laptentov V.V. *Zolotoordynskaya oblast' Karasu i obrazovanie Elechskogo knyazhestva* [The Golden Horde region of Karasu and the formation of the principality of Elech]. *Vekhi minuvshogo: Uchenye zapiski istoricheskogo fakul'teta* [Milestones of the Past: Scientific Notes of the Faculty of History], no. 2. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 2000, pp. 121–128. (In Russian)

19. Lebedev V.P., Zorin A.A. *Denezhnoye obrashcheniye Kurskoy zemli v zolotoordynskoye vremya* [Money circulation of the Kursk land during the Golden Horde's time]. *Stepi Evropy v epoku srednevekovia. Zolotoordynskoye vremya. Sb. nauch.rabot.* [The Steppes of Europe in the Middle Ages. The Golden Horde's Time. Collected papers] Gl.red. A.V.Evglevskiy; In-t arheologii NAN Ukrainy; Donetskij nats. un-t, no. 6. A.V. Evglevskiy (ed.). Donetsk: Donetsk National University, 2008, pp. 487–506. (In Russian)

20. Livi Bacci M. *Demograficheskaya istoriya Evropy. Seriya "Stanovlenie Evropy"* [The Demographic History of Europe. Series "The Formation of Europe"]. Mirolyubova (tr.). St. Petersburg: Alexandria, 2010. 304 p. (In Russian)

21. Mayorov A.A. *Territorialnyye gruppirovki vyatichey VIII–XII vv.* [Territorial settlement groups of the Vyatichi of the eighth to the twelfth century]. *Vestnik Kostromskogo*

gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kostroma State University], no. 23/3, 2017, pp. 18–21. (In Russian)

22. Makarov D.V. Tmy i “tatarskiye mesta” Tsentralnoy Rossii [“T”mas” and “Tatar places” of Central Russia]. *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva. Sbornik statey* [Medieval Turkic-Tatar States. Collected Papers], no. 2. Kazan: Ikhlās, 2010, pp. 81–82. (In Russian)

23. Makevedi Kolin. Bubonnaya chuma [Bubonic plague]. *V mire nauki* [In the World of Science], no. 4. 1988, pp. 68–74. (In Russian)

24. Maslova S.A. Baskacheskaya organizatsiya na Rusi: Vremya sushchestvovaniya i funktsii [Basqaqs’ organization in Rus’: Time of existence and functions]. *Drevnyaya Rus. Voprosy mediyevistiki* [The Ancient Rus’. Issues of Medieval Studies], no. 1. 2013, pp. 27–39. (In Russian)

25. Maslova S.A. Darugi i baskaki: sootnosheniye dolzhnostey [Darugas and Basqaqs: The ratio of offices]. *Drevnyaya Rus. Voprosy mediyevistiki* [The Ancient Rus’. Issues of Medieval Studies], no. 4 (58). 2014, pp. 23–36. (In Russian)

26. Maslova S.A. Mongolskaya administratsiya na zavoyevannykh zemlyakh: darugi i baskaki [The Mongol administration of the conquered lands: darugas and basqaqs]. *Istoricheskiy vestnik* [Historical Herald], no. 10 (157), pp. 80–109. (In Russian)

27. Milovanov S.I. *Torgovlya Ryazanskoj zemli v XI – 2-y polovine XV vv. (po arkhologicheskim i numizmaticheskim dannym). Avtoreferat Diss.* [Trading Activity in the Ryazan Land in the ninth to the second half of the fifteenth centuries (according to archaeological and numismatic data). Abstract of PhD Thesis]. Moscow, 2010. 32 p. (In Russian)

28. Nasonov A.N. *Mongoly i Rus’ (istoriya tatarskoj politiki na Rusi)* [The Mongols and Rus’ (the history of Tatar politics in Rus’)]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1940. 178 p. (In Russian)

29. Naumov A.N. *Chernaya metallurgiya i zhelezoobrabotka na selskikh pamyatnikakh Kulikova polya v kontse XII – seredine XV vv. Avtoreferat Diss.* [Ferrous Metallurgy and Ironworking in Rural Settlements of the Kulikovo Field at the end of the twelfth to the middle of the fifteenth centuries. Abstract of PhD Thesis]. Moscow, 2004. 16 p. (In Russian)

30. Naumov A.N. *Chernaya metallurgiya na drevnerusskikh selskikh poseleniyakh Kulikova polya* [Ferrous metallurgy on the Old Rus’ rural settlements of the Kulikovo field]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkhologii. In-t arkhologii RAN* [Brief Communications from the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences], no. 220. Makarov N.A. (ed.). Moscow: ‘Science’, 2006, pp. 101–111. (In Russian)

31. *Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshego izvodov* [Novgorod First Chronicle of the Senior and Junior Editions]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1950. 642 p. (In Russian)

32. *Pamyatniki russkogo prava* [Monuments of Russian Law], Iss. 3. Cherepnin L.V. (ed.). Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1955. 527 p. (In Russian)

33. Plano Carpini, Iohannes de. *Istoriya Mongalov* [History of the Mongals]. Guillaume de Rubruck. *Puteshestvie v vostochnye strany* [Itinerarium]. Malein A.I. (ed.). St. Petersburg: Published by A.S. Suvorin, 1911. 232 p. (In Russian)

34. Pochekaev R.Ju. *Pravo Zolotoy Ordy* [The Legal System of the Golden Horde]. Mirgaleev I.M. (ed.). Kazan: FEN, 2009. 260 p. (In Russian)

35. Pohekayev R.Yu. *Tsari ordynskie. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ordy* [Tsars of the Horde. Biographies of the Khans and Rulers of the Golden Horde]. St. Petersburg: ‘Eurasia’, 2012. 464 p. (In Russian)

36. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 1: *Lavrentievskaya i Troitskaya letopisi* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 1: Laurentian and Trinity Chronicles]. St. Petersburg: Printing house of E. Pratz, 1846. 286 p. (In Russian)

37. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 2: *Ipat'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 2: Hypathian Chronicle]. St. Petersburg: Printing house of M.A. Aleksandrov, 1908. 574 p. (In Russian)

38. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 7: *Voskresenskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 7: Resurrection Chronicle]. St. Petersburg: Printing house of E. Prats, 1856. 356 p. (In Russian)

39. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 11: *Letopisnyy sbornik, imenuyemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopisyu* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 11: The Chronicle Collection Called the Patriarchal or Nikonan Chronicle]. St. Petersburg: Printing house of I.N. Skorokhodov, 1897. 258 p. (In Russian)

40. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 15: *Rogozhskiy letopisets* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 15: Rogozhsky Chronicle]. Petrograd, 1922. 132 p. (In Russian)

41. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 18: *Simeonovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 18: Simeonov's Chronicle]. St. Petersburg: Printing house of M.A. Aleksandrov, 1913. 320 p. (In Russian)

42. Solovyev S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [The History of Russia from the Most Ancient Times]. First Book, Vols I–V. St. Petersburg: Partnership “Public Benefit”, 1851. 1726 cols. (In Russian)

43. Tatishchev V.N. *Istoriya rossiyskaya s drevneyshikh vremen* [Russian History from the Most Ancient Times]. Book IV. St. Petersburg: Printing house of Veibrecht, 1784. 560 p. (In Russian)

44. Tropin N.A. *Yuzhnyye territorii chernigovo-ryazanskogo porubezhia v XII–XV vv. Avtoref. diss. d.i.n.* [The Southern Territories of the Chernihiv–Ryazan Border in the twelfth to the fifteenth centuries. Abstract of PhD Thesis]. Moscow, 2007. 44 p. (In Russian)

45. Khaydarov T.F. Rubikon Zolotoy Ordy [Rubicon of the Golden Horde]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, vol. 4, no. 2, pp. 314–335. (In Russian)

46. Emmeluth D. *Plague*. Philadelphia: Chelsea house publishers. 2005. 100 p.

47. Herlihy D. *The Black Death and the Transformation of the West*. New York: Harvard University Press, 1997. 117 p.

48. Schamiloglu U. The Impact of the Black Death on the Golden Horde: Politics, Economy, Society, Civilization. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 2, pp. 325–343. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.325-343

About the author: Anatoliy A. Mayorov – Cand. Sci. (History), Orel State University named after I.S. Turgenev (95, Komsomolskaya Str., Orel 302026, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4758-7553. E-mail: aamajorov@rambler.ru

*Received January 9, 2020 Accepted for publication February 28, 2020
Published March 29, 2020*